

НА

КАМЕННОМ

ЛОЖЕ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СЦЕНАРИЙ

ХОДЖА АХМАД АББАС

Индийский писатель

Биржа труда напоминала улей, где пчел — великое множество, а меда — капелька. Здесь было так много людей и так мало работы!

Бхола стоял в очереди. Когда он наконец подошел к окошечку, ему дали заполнить анкету. Сзади него стоял коренастый, очень сильный на вид человек. Грустное выражение глаз никак не соответствовало его массивной фигуре. Он говорил с акцентом, свойственным жителям Махараштры.

Когда он вслед за Бхолой подошел к окошечку и назвал свое имя — Панду Пехельван, ему тоже дали анкету.

— Послушайте, — воскликнул он, — я пришел сюда для того, чтобы получить работу, а не клочок бумаги!

— Заполните форму, — сказали ему, не обратив внимания на его реплику. — Напишите обо всем подробно...

— Но, сахиб, я не умею писать. — Эти слова Панду произнес с каким-то бессильным отчаянием, что так не вязалось с его внушительной фигурой.

— В таком случае, попросите кого-нибудь написать за вас... Следующий!..

Панду Пехельван держал анкету осторожно, словно это была взрывчатка. Он привык сжимать рукоятку ножа или кинжала, камень или горло противника, но никогда ему не приходилось иметь дело с бумагой. Он искал глазами человека, который помог бы ему, но каждый спешил заполнить свою анкету. Но вот он заметил стоявшего в углу Бхолу и подошел к нему. На конторке не было свободной ручки. И когда Бхола кончил писать, Панду спросил:

— Можно взять вашу ручку?

— Да, да, конечно, — ответил Бхола.

Панду схватил ручку, словно кинжал.

Бхола улыбнулся: он понял, что этот человек никогда не пользовался пером, что никогда в жизни он не написал ни единого слова.

Как бы в ответ на мысли юноши Панду смущенно сказал:

— Понимаешь, я не умею писать.

Продолжение. Начало см. «Азия и Африка сегодня» № 10 за 1961 год.

— Я помогу, — сказал Бхола.

Бхола заканчивал заполнять анкету своего нового знакомого.

— Какую работу вы можете выполнять? Чем занимались раньше? — спрашивал он Панду, читая вслух последние вопросы.

Эти вопросы смутили Панду. Он сказал:

— Я не хочу больше делать то, что умею. Это занятие вряд ли кому-нибудь понравится. Лучше всего напиши, что я просто силач, что я могу учить молодых людей бороться, драться, боксировать.

Я готов выполнять любую работу, требующую большой силы. — И он с гордостью показал, какие у него мускулы...

Когда Бхола заполнил анкету, они снова заняли очередь к окошечку. Первым подал листок Панду.

— Ты счастливчик, — сказал ему клерк, — требовалось всего сорок человек, а я уже послал на завод тридцать девять. Получай последнее направление.

— Но, сахиб, — возразил Панду, бросив сочувственный взгляд на Бхолу, — дайте, пожалуйста, два направления — мне и моему другу. Он приехал в Бомбей из далекого Гиссара. Он впервые в большом городе и, как видите, совсем еще мальчик.

— Ничем не могу помочь, — равнодушно сказал клерк. — Больше направлений у меня нет. Или бери, что дают, или отдай свое направление кому хочешь.

Панду с досадой заметил:

— Кому нужна такая работа — возиться с машинами? Это занятие для женщин или детей. Я уж в другой раз приду. Может быть, у вас все-таки найдется для меня настоящая мужская работа. Ну а это направление отдайте ему. — И он уступил свое место Бхоло.

Итак, Бхола получил работу, предназначенную для Панду.

— Не знаю, как и благодарить тебя, Пехельван... — Бхола крепко пожал руку Панду.

— Будем друзьями! — воскликнул силач, и железная рука Панду крепко сжала мальчишескую руку Бхолы.

Весело вращались челноки. Уверенно стучали станки текстильной фабрики, и в этом равномерном стуке слышался ритм надежды. Работая с увлечением и радостью, Бхола любовался причудливыми узорами ткани, бесконечной лентой сходящей с гигантских станков.

Работавший рядом с Бхолой парень по имени Калу торжественно сообщил новичку, что сегодня день платежа: «Пойдем со мной, я покажу тебе, как надо проводить время, чтобы не было скучно».

Бхола не успел ответить. Заметив направлявшегося к ним надсмотрщика, они быстро повернулись к станкам.

Челноки продолжали весело жужжать.

...В насквозь прокуренном маленьком баре, где из-под полы продавались спиртные напитки, Калу заказал бутылку пальмового рома. Он заставил Бхолу попробовать. Но после первого же глотка Бхола задохнулся и с отвращением выплюнул ром на пол.

Женщины, выглядывавшие из-за решетчатой перегородки, казались Бхоло отвратительными видениями. Его чистая душа была возмущена их грубыми, вульгарными жестами. Когда Калу спьяну потащил юношу к этим женщинам, тот бросился бежать, словно за ним гнался сам дьявол.

Бхола пришел в табачную лавку и передал лавочнику Бенараси немного денег. «Пошлите их, по-

жалуйста, моей матери в Гиссар», — сказал он. В лавку вошел Видиарти с большим свертком под мышкой. «Намасте!» — воскликнул Видиарти с необычной для него веселостью. «Намасте!» — ответил Бхола, удивленный неожиданно веселым настроением книголюбца. Выйдя из лавки, Бхола побрел «домой» — на мостовую.

— А сегодня что ты притащил, Видиарти? — спросил лавочник юношу. — Ты уже продал мне книги Галиба и Калидасы. Интересно, что у тебя в этом свертке?

— У меня здесь нечто такое, с чем я не расстанусь ни за какие деньги, — ответил Видиарти. — Это книга, которую я написал сам... А нет ли для меня письма?

— Да, есть. Вот оно, возьми. — И лавочник вручил ему письмо.

Видиарти дрожащими от волнения руками вскрыл конверт. Письмо было от издателя: он просил молодого автора принести рукопись своего романа. В письме сообщалось также, что, если рукопись будет одобрена, издательство выплатит ему, Видиарти, гонорар — 125 рупий.

— Сто двадцать пять рупий! — воскликнул лавочник. — Поздравляю тебя! По такому случаю возьми у меня бетель... Это немалые деньги. Сто двадцать пять рупий только за одну книжку!

Взяв бетель, предложенный ему лавочником, Видиарти заметил с горькой усмешкой:

— Да, это действительно большие деньги, но чтобы написать роман, мне потребовался целый год! Год упорной работы!

Джонни наигрывал на скрипке одну из любимых им мелодий. Под звуки этой печальной музыки Видиарти приближался к своему «дому» — к каменному ложу. Он устало присел на тряпье, заменившее ему постель. Потом он лег, положив рядом с собой пухлую рукопись романа. В звездном небе, словно заговорщики, замышляющие что-то недоброе, собирались черные тучи. Наконец и нищий музыкант, спрятав скрипку, улегся спать. На улице спали все —

Бхола,
актер Анвар Миян,
старый музыкант,
Видиарти.

Ветерок шелестел листьями пальм. В небе продолжали сгущаться черные тучи. Где-то вдали загрохотал гром.

Ветер, поднявший с мостовой обрывки бумаги, опавшие листья и окурки, перелистывал переплетенную рукопись Видиарти. Вспыхнула молния, и ее ослепительный свет выхватил из темноты название романа: «Страна наших надежд».

Первые капли дождя упали на страницу. Крепчайший ветер унес несколько листов рукописи. Сильный удар грома прокатился над улицей, и разразился ливень.

На тротуаре и мостовой все пришло в движение. Люди были застигнуты врасплох внезапно налетевшим муссоном. Сонные, они бегали назад и вперед, стараясь найти спасительное место на веранде соседнего дома или под навесом витрины.

Но Видиарти был занят одним: невзирая на дождь и ветер, он гнался за разлетающимися страницами рукописи. Ему в конце концов удалось собрать их. Но совершенно промокшие, они превратились в один сплошной бумажный ком. Так в несколько мгновений погиб труд, на который был потрачен целый год! Юноша обезумел от горя. Все еще сжимая в руках мокрые листы погублен-

ной рукописи, он опустился на мостовую и горько зарыдал.

Бхола, который был здесь новичком, растерялся больше всех. Он метался под дождем, волоча по лужам подстилку, которую ему уступил актер. В темноте он наткнулся на огромную трубу, которую рабочие не успели уложить в приготовленный для нее туннель. Он сильно ушибся, но не обратил внимания на острую боль: юноша нашел спасение от непрекращавшегося ливня; труба могла послужить убежищем не только для одного человека...

Труба была широкая и длинная. Сюда проникали зыбкие отблески уличных фонарей, отраженных в мокром асфальте. Спасаясь от потоков дождя, захлестывавших отверстие трубы, Бхола, согнувшись, медленно, ощупью продвигался все дальше и дальше. Каждый его шаг, каждое его движение гулко отдавалось в этом круглом металлическом «коридоре». Вдруг он остановился: совсем близко от себя он заметил какую-то бесформенную кучу тряпья. И в тот же миг в полумраке блеснуло лезвие ножа, и раздался предостерегающий шепот не то девушки, не то ребенка: «Кто здесь? Берегись!»

Новая вспышка молнии разорвала мрак, и Бхола увидел худенькую девушку лет семнадцати-восемнадцати в грязном и рваном сари. Сжимая тонкой, почти детской рукой длинный нож, девушка устремилась на него свои огромные прекрасные глаза, полные тревоги и страха.

— Кто ты? — спросила она резким голосом, не предвещавшим ничего хорошего.

— Я Бхола из Гиссара... Работаю на Новобомбейской текстильной фабрике... А ты, наверное, приняла меня за бандита...

— Как ты попал сюда?

— Спрятался от дождя. Вот и все. Я не знал, что тут кто-то есть.

— А я ведь могла убить тебя... Я никому не верю... — Она произнесла это грустным голосом, как будто вспомнила о чем-то очень неприятном.

— Если ты такая недоверчивая, так я лучше уйду.

— Нет, не уходи. Дождь еще не перестал. Если хочешь, ложись спать, но только там, где ты сейчас находишься. Предупреждаю: я не усну...

— Тогда и я не буду спать. Здесь так шумно. Дождь барабанит над самой головой. — И, присев, он прислонился к холодной выгнутой стенке трубы.

Его глаза свыклись с темнотой, теперь он смутно различал небольшую, тщедушную фигурку девушки. Она тоже села, но с противоположной стороны, чтобы он все время был у нее на виду. Наконец она опустила руку с ножом, и Бхола с облегчением вздохнул.

Он смотрел на нее с любопытством, заинтригованный ее странным видом. Она тоже смотрела на него молча, с некоторым недоверием, но уже не так враждебно, как раньше.

— Давай поговорим, — нарушил он молчание.

— Зачем? — спросила она.

— Просто так, чтобы убить время.

— А о чем нам с тобой говорить?

— О чем угодно. Я, например, расскажу о себе. Приехал я из Гиссара. Это далеко на севере, ближе к Дели. Наши места славятся своими буйволами. Каждая буйволица дает двадцать сиров¹ молока в день.

Слабая улыбка появилась на ее лице.

Он продолжал:

— Мой отец был простым крестьянином, но по-

¹ Сир равен 0,98 литра.

сылал меня в школу. Он хотел, чтобы я поступил в сельскохозяйственный колледж и стал механиком. Но он умер, и мне пришлось оставить школу. Нужно заставить нас заложить участок земли и продать буйволов. Я сказал матери, что поеду в Бомбей на заработки. В этом месяце я смог послать ей только двадцать рупий.

Девушку, очевидно, тронул этот бесхитростный рассказ. Но она все же была настороже.

— Теперь ты объясни мне, как попала сюда. Почему ты живешь одна? — спросил Бхола.

— Как мне рассказать об этом тебе, незнакомому человеку?

— Расскажи. Это облегчит тяжесть, лежащую на твоём сердце. Вот я рассказал тебе о своей жизни, и мне стало намного легче. Я еще ни с кем не был так откровенен, как с тобой.

Ее строгое лицо озарилось улыбкой, вызванной воспоминаниями о далеком детстве...

...В одной из деревушек, затерявшихся в провинции Махараштра, веселая стайка девушек возвращалась с реки. Каждая несла на плече кувшин, наполненный поблескивавшей на солнце водой. Среди этих девушек была и она, Радха.

— Уж очень у тебя счастливый вид в последние дни. Отчего бы это? — спросила Радху одна из девушек.

— Разве ты не знаешь? Ее выдают замуж, — ответила другая подружка. — Не так ли?

Смущенная, но счастливая Радха со смехом побежала домой.

— Не смей больше показываться на улице, — сурово сказала ей мать. — Ведь скоро твоя свадьба.

И наступил день свадьбы. Об этом оповестили всю деревню. Зажгли священный огонь. Все гости были в сборе. Как полагается, жених и невеста сидели рядом. И вдруг будущий муж Радхи и его жадный отец затеяли спор о приданом. «Не такой уж красивой оказалась твоя дочь, как нам ее рисовали, — сказали они отцу невесты. — Ты должен дать нам не менее пяти тысяч рупий приданого». Отец Радхи мог предложить им только три тысячи. Чтобы спасти свою честь, он снял с головы тюрбан и положил его к их ногам. Но они, эти расчетливые и жестокие люди, были неумолимы. Тогда он положил рядом с тюрбаном еще и документы на право владения землей и домом. Только после этого жених и его родители согласились продолжать брачную церемонию. Но когда все уже было готово для совершения традиционного обряда, Радха неожиданно сорвала с себя подвенечное покрывало и заявила, что не желает быть женой такого жадного и бессердечного человека. Свадьба расстроилась. Огорченный до глубины души поступком дочери, отец сказал ей: «Радха, ты запятнала не только свою девичью честь, но и честь всей нашей семьи!..» Той же ночью, когда все уже спали, Радха навсегда покинула отчий дом и свою родную деревню...

...Рассказав об этом Бхоле, она залилась слезами. Воспоминания взволновали ее. Бхоле было очень жаль девушку. Но он не знал, как утешить ее.

— Ну, пора спать, — сказала она, успокоившись немного. — Теперь я верю тебе и тоже усну.

И они заснули, сидя друг против друга. Заснули беспокойным, тревожным сном. А дождь все продолжал барабанить по «крыше» их случайного жилища.

Перед рассветом дождь стал стихать и наконец совсем прекратился. Часы на городской башне пробили четыре. Зазвенел первый трамвай.

Радха проснулась. Убедившись, что Бхола спит, она вынула из узелка с тряпьем выстиранное накануне сари и вышла.

В предрассветной мгле было видно:

Радха подошла к водопроводной колонке на углу пустынной еще улицы. Привязав один конец сари к фонарному столбу, а другой к дереву, она начала мыться за этой импровизированной занавеской.

Бхола открыл глаза, поднялся и вышел на улицу. Он тоже направился к крану. Увидев силуэт обнаженной девушки, юноша остановился, как вкопанный, а затем побежал обратно.

...Челноки на фабрике прыгали так же радостно, как сердце Бхола.

Даже такой замкнутый и безразличный человек, как Калу, обратил внимание на веселое настроение юноши.

Во время обеденного перерыва, когда все были заняты едой, Бхола писал матери: «Матаджи! Прошу тебя, не ищи для меня невесты. Не удивляйся, если я вернусь в деревню с женой. Правда, пока ничего еще не решено, но я встретил одну девушку, которая, я уверен, и тебе понравилась бы. Скоро напишу тебе опять и пришлю немного денег. Пиши мне по тому же адресу: «Табачная лавка Бенараси...»

Когда юноша пришел вечером к лавочнику, тот сразу заметил по его лицу, что он чем-то очень обрадован. Бхола купил бетель и маленькую гирлянду цветов.

В дверях он столкнулся с Анваром Мияном, который его всюду разыскивал. Актер сказал, что отныне Бхола будет жить вместе с ним и его друзьями в поселке за чертой города. Юноша всячески отказывался поехать туда, но актеру все же удалось уговорить его.

То, что актер назвал поселком, представляло собой сотню небольших лачуг, сколоченных из самого причудливого материала: старых фанерных ящиков, кусков брезента, ржавых листов гофрированной жести, бамбука и других отходов, предназначенных для свалки.

В одной из таких хибарок ютились актер Миян, Джонни-музыкант и силач Панду. Бхолу встретили приветливо. Друзья настойчиво предлагали ему поселиться вместе с ними. Юноша хотел рассказать им о Радхе, но воздержался, зная, что эти добрые люди пустят под свою крышу человека любой касты и любой веры, но только не женщину. Каждый из этих нищих в той или иной мере пострадал от женского коварства и непостоянства. Сколько раз, беседуя с Бхойлой, они предостерегали его от подобной участи.

Бхоле наконец удалось вежливо отвязаться от своих друзей. Выйдя из лачуги, он поспешил туда, где встретился с Радхой.

Девушка ждала его и, как только он окликнул ее, сразу же вышла. Однако она все еще боялась подойти к нему близко.

— Ты опять пришел? Сейчас ведь нет дождя, — сказала она.

— Ну и что ж? Посмотри, какой хороший вечер сегодня. Пойдем погуляем.

Они проходили мимо ярко освещенных витрин, любуясь выставленными в них товарами.

— Хочешь, Радха, я куплю тебе все эти сари и украшения. Скажи лишь одно слово — и они будут твоими, — шутил Бхола.

Она отрицательно покачала головой.

В одной из витрин они увидели макет жилого домика, один из тех типовых коттеджей, которые

должны быть сооружены по плану жилищного строительства третьей пятилетки Индии.

— А это ты хотела бы иметь? — спросил Бхола.

— Ты еще спрашиваешь! Иметь свой дом — какое это большое счастье, — сказала она с едва заметной улыбкой.

Затем они остановились перед большими окнами ночного клуба, откуда доносились звуки рок-н-ролла. Несколько молодых людей танцевали прямо на улице. Потом Бхола и Радха пошли в кино. Слова, которые герои фильма произносили на экране, которой выражали сокровенные мысли и надежды юноши и девушки, их невысказанную любовь. После романтического фильма последовала веселая кинокомедия. В ней было столько смешного, что Радха, забыв о своих горестях, громко смеялась, смеялась, смеялась...

Ее смех напоминал нежные цветы, которыми было усыпано дерево гуль-мохур.

— Ты мне рассказывала как-то, что дома тебя называли «Бхоли» — целомудренная, — сказал юноша. — Как было бы хорошо, если бы мы всегда жили вместе — Бхола и Бхоли...

— Нет! Нет! Нет! — взволнованно, с отчаянием воскликнула девушка.

— Но почему же?

— Потому что меня уже нельзя больше называть «Бхоли».

Затем, помолчав, она добавила:

— Вот уже три месяца, как я живу одна в городе...

Наступила пауза. Порывы ветра срывали цветы с дерева, и они падали на грязную мостовую. Их топтали грубые башмаки прохожих.

— Ты видишь эти втопанные в грязь цветы? — прошептала Радха. — Так же поступили и со мной... Понимаешь? И после этого ты еще хочешь жениться на мне!

Юноша из гиссарской деревни был ошеломлен и не знал, что ответить. Действительно, как может он привести такую жену к своей матери? Что скажут соседи? Может быть, она и в самом деле такая же грязная, как эти растоптанные цветы? Бхола опустил голову, не смея взглянуть ей в глаза.

Радха продолжала:

— Ты совершенно прав, Бхола. Ты честный человек. Зачем тебе из-за меня портить свою жизнь? У меня теперь нет надежды на счастье и нет цели в жизни. Такой, как я, не стоит жить. Чем скорее я умру, тем лучше.

Она умолкла.

Бхола продолжал стоять с разбитым сердцем, смущенный и подавленный тем, что он посмел плохо подумать о Радхе. Когда он поднял голову, девушки уже не было.

Начал накрапывать дождь. Крупные капли падали на грязные, измятые цветы. Но вот вода смыла с цветов грязь, и сейчас они были свежими и прекрасными.

Казалось, они с укоризной смотрели на Бхолу, эти вымытые дождем цветы. Он поднял веточку. На ней не осталось и следа грязи. Он прижал цветы к щеке. И юноше почудилось, что они шептают ему что-то таинственное и радостное.

Лицо Бхолы посветлело. Но вдруг он вздрогнул, вспомнив последние слова девушки.

— Радха! — крикнул он и бросился бежать, не обращая внимания на проливной дождь.

(Окончание следует)

*Перевели с английского
Л. МОРОШКИНА и Б. ЭПЕЛЬФЕЛЬД*

ДВЕ АФРИКАНСКИЕ РЕСПУБЛИКИ

(Окончание. Начало см. на стр. 32)

растения. В сухое время года все вокруг выжжено. Появление зелени на деревьях и кустарниках вещает о приближении к воде. Вода здесь — синоним жизни.

Столица Республики Мали расположена на берегу великой, полноводной реки Нигер. Могучие воды реки продолбили в базальтовом основании города многочисленные пещеры, впадины, которые в период тропических дождей затопляются и превращаются в бурные водовороты, а река, вооружая огромные валуны, уже сверлит новые и новые отверстия. В сухой сезон она отступает, обнажая плоды своей титанической работы, и превращается в ласково журчащий ручей, манящий прохладой.

В Бамако мы познакомились с малийской молодежью, полной огня и желания отдать свои силы родине. В стране не хватает специалистов, учителей, врачей, инженеров. Поэтому разговоры неизменно оканчивались просьбой помочь приехать в Москву учиться. Юноши и девушки республики знают о достижениях Советского Союза в системе образования, о существовании в Москве Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, знают, что их братья уже учатся в Москве и скоро станут настоящими специалистами. Все, кто ни встречался с нами, — и наши старые знакомые по Москве: служащий Диалло Умар, преподаватель Ли Факонней, рабочий Камара Йоро, и новые наши друзья: учащийся Сидибэ Драмани, служащий таможенника на аэродроме Мпе Бенгали и многие другие — говорили об искренней дружбе малийского народа к народам Советского Союза, о своем желании больше узнать об СССР, о своих надеждах на светлое будущее.

Молодежь в Мали стала подлинным хозяином в своем доме. Она охотно идет на добровольный и бесплатный труд на стройках страны. Она защищает и охраняет свою родину. Юноши и девушки, надев военную форму, в зеленых беретках, с винтовкой за плечом стоят на всех дорогах, на всех перекрестках и переездах. Днем и ночью тщательно и по-хозяйски проверяют они документы проезжающих и проходящих. В Республике Мали не должно быть вредителей, не должно быть контрабанды.

В Маркала, в ста с небольшим километрах от Бамако, мы видели строительство канала. Канал строит сам народ. Строит для себя, для будущего. Люди самоотверженно работают, перетаскивая на голове корзины с землей и камнем. Тяжело, но нужно. Пот заливают глаза, сердце стучит от напряжения, но никто не бросает работы. Труд из проклятья превратился в дело чести.

С еще большим оживлением и азартом пошла работа, когда на стройку прибыл президент Республики Мали Модибо Кейта вместе с членами правительства. Окинув внимательным взглядом район стройки, Модибо Кейта на мгновение задумался. Кто знает, может быть, он видит эту бесплодную долину цветущим садом? А может быть — и всю страну? Но вот он легко спрыгивает в котлован, берет у рабочего кирку и начинает долбить породу. Движения его ловки и уверенны.

Президент с киркой в руках за работой вместе с народом — такой запомнилась нам Республика Мали, таков символ этой прекрасной страны.